

ФИЛОСОФИЯ

УДК 808, 1(091)

М.Н. Вольф, А.В. Косарев

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ ОСНОВАТЕЛЕЙ ПРАГМАТИЗМА

Рассматривается место и значение риторики для формирования первого этапа англо-американского прагматизма начала XX в. Анализируются место риторики в семиотике Пирса и его акценты на коммуникативный характер знания. Рассматривается отношение Дьюи к концепции коммуникации, повышение градуса его отношения к софистике в связи с влиянием философии Шиллера. Наконец рассматривается взаимное влияние концепций Джеймса и Шиллера, их роль в формировании прагматистской концепции истины.

Ключевые слова: риторика; коммуникация; прагматизм; гуманизм; релятивизм; истина.

В начале XX в. прагматизм первым среди философских направлений распознает эвристический потенциал риторических техник для решения практических задач, что влечет пересмотр оценок античной софистики, и тем самым инициирует обращение к релятивизму.

Первые важные шаги в этом направлении были сделаны Ч.С. Пирсом. Отношение Пирса к риторике особенно выросло в последние годы его творчества, когда он всерьез обратился к разработке этого вопроса [1, 2]. Обращение Пирса к вопросам риторики оказалось значимым для развития прагматистских идей. Пирс не только возрождает риторику, но и предлагает ее новую интерпретацию с прагматистских позиций [1. Р. 17]. С точки зрения Пирса, риторика – это не просто искусство убеждения, но это также искусство располагать лингвистические знаки таким образом, чтобы этот порядок мог обеспечить эстетическое удовольствие тому, кто имеет с ним дело. Однако главная, прагматическая задача риторики заключается в том, чтобы формы выражения написанного способствовали его цели [Ibid.]. Тем самым Пирс переориентирует риторику так, чтобы коммуникативный эффект риторического акта рассматривался как реализация практической цели в определенных обстоятельствах. Любая мысль формируется с определенной целью, и Пирс подчеркивает, что этот факт подразумевает существование риторической этики, задача которой состоит в информировании читателя об этой цели, чтобы тот понимал, нужно ему обращаться к тому или иному произведению или нет [1. Р. 18, 2. С. 109–110], т.е. позволяет заранее выстраивать условия и цели коммуникации.

Пирс предлагает свою собственную систему дисциплин, частью которой должна являться риторика, своего рода «тривиум». В средневековой системе обучения тривиум, или начальный цикл учебных дисциплин, восходящий к стоической классификации наук, включал в себя логику (диалектику), грамматику и риторику. Такое деление подразумевало, что без надлежащих умений правильно мыслить, грамотно записывать и внятно излагать свои мысли дальнейшее обучение невозможно. «Тривиум» Пирса аналогичен средневековому по включенным в него дисциплинам, однако основы построения отношений между дисциплинами принципиально отличны.

Пирс известен своей разработкой новой, введенной им дисциплины *семиотики*, «квази-необходимого и формального учения о знаках» (CP 2.229)¹ [5. С. 178], как он ее характеризует, которая исследует, что такое знаки и как они используются в своих наиболее общих формах и важных функциях. Рассуждая таким образом, Пирс переносит акценты с изучения объектов на изучение знаков в силу исходной кантианской установки о недоступности для познания объектов самих по себе. Поэтому Пирс трактует знак максимально широко: «слово “знак”, будет употребляться для обозначения Объекта, доступного восприятию или только вообразимого, или в определенном смысле даже невообразимого» (CP 2.230) [Там же]. Семиотика распадается на три ветви: аналитику, критику и методевтику, или, в другой терминологии², спекулятивную грамматику, логическую критику и спекулятивную риторику, где слово «спекулятивный» используется в значении «теоретический».

Аналитика, или, как уточняет Пирс, чистая грамматика, возводя ее к *grammatica speculativa* Дунса Скота [Там же], изучает существующие знаки, классифицирует их на виды и устанавливает, в каких взаимных отношениях они существуют. Всего Пирс выделяет 27 классов знаков, только 10 из них признает подлинно возможными (CP 2.254) [Там же. С. 190–196].

Логическая критика, или собственно логика, понимается Пирсом как вторая ветвь семиотики [Там же. С. 178]. Это формальная наука, ориентированная на установление истинности высказываний или рассуждений, посредством которых осуществляется исследование мира, устанавливаются закономерности и описываются привычки и верования [Там же. С. 110]. Пирс различает логику философскую (прагматистскую) и математику, то есть то, что мы сегодня отнесли бы скорее к области математической логики. Прагматистская логика занимается реально существующим, а потому является наукой факта, тогда как математика в его понимании стремится к предельно абстрактному знанию, изучая логически возможное и невозможное и никак не обращаясь к реальному существованию [Там же. С. 112–113].

Наконец, третья ветвь – спекулятивная или *чистая риторика*: «ее задача состоит в установлении тех законов, в соответствии с которыми в каждом научном разуме один знак порождает другой знак, и в частно-

сти, одна мысль производит другую» (СР 2.230) [5. С. 178]. Фактически методевтика претендует на анализ взаимодействий и коммуникационных стратегий, а также на оценку их результатов, однако, как отмечает А.С. Боброва [2. С. 111], не анализирует те средства, с помощью которых это возможно, оставляя за пределами риторики способы аргументации, т.е. один из ее главных атрибутов.

Суть всей этой трихотомической системы заключается в движении от спекулятивной грамматики к спекулятивной риторике, т.е. от формулирования абстрактных определений к прояснению их содержания через актуальные практики [1. Р. 19]. В таком случае получается, что спекулятивная риторика оказывается и наиболее прагматистским разделом семиотики, будучи нацеленной на установление *эффекта*, который причиняет знак. Как поясняет В. Колапиетро свое использование выражения «риторический поворот Пирса», оно не подразумевает, что, повернувшись к риторике, Пирс отвернулся тем самым от логики [Ibid. Р. 20]. Напротив, Пирс сделал риторику *логической*, поскольку истина в такой единой системе семиотического знания неотделима от убеждения, а вопросы коммуникации оказываются неотъемлемой частью логики, будучи интегрированными в нее.

Хотя Пирс не создал стройной риторической системы – возможно, ему не хватило времени это сделать, так как обратился он к этим вопросам на закате своей творческой карьеры, – выводы, к которым он пришел, весьма значимы для дальнейшего понимания прагматического значения риторики. Концепция мышления Пирса принципиально диалогична, поскольку человек даже с самим собой находится в диалоге, подразумевая под своим внутренним «я» более рассудительного, информированного и разумного собеседника [Ibid. Р. 37]. Формально же, если суть риторики – это передача знака от одного сознания другому, и желательно так, чтобы остался тот же самый знак, чтобы его специфические черты не были утрачены в процессе коммуникации, для чего и нужен диалог как процесс проверки и уточнения корректности переданной информации, то тогда признание рассудительности и диалогичности мышления делает неизбежным и риторический характер человеческой рациональности.

Непосредственно связан с разработкой риторической проблематики и другой отец-основатель прагматизма – Дж. Дьюи. О риторике как таковой Дьюи пишет мало, зато часто в разных своих работах обращается к концепции коммуникации и ее инструментальному характеру. Коммуникацию Дьюи связывает с развитием индивидуального сознания и характера, то есть с концепцией личности или «я» (*self, selfhood*). В свою очередь концепция моральной личности тесно связана у него с концепцией «творческого разума», восходящей к тому, что говорил Аристотель о практическом разуме (*phronesis*) [6. Р. 186]. Коммуникация, согласно Дьюи, играет значительную роль в развитии моральной личности, и эта его идея созвучна тому, что Пирс говорит о диалогичности мышления. Личность и мораль формируются в социуме в той мере, в какой человек контактирует, коммуницирует и

ассоциирует себя с другими: «коммуникация по мнению Дьюи есть высочайшая форма человеческой деятельности, поскольку она дает возможность делиться опытом, “величайшим человеческим благом”» [6. Р. 193].

Можно обозначить несколько характерных черт, присущих коммуникации в этом аспекте:

- она является основой всякого личного развития;
- она является инструментом создания и тестирования знаний;
- она обладает рефлексивной и объективной силой, возникающей в процессе обмена опытом: с одной стороны, именно в коммуникации формируется общая точка зрения, с другой – она дает импульс для саморазвития;
- она позволяет принимать решения в условиях проблематичных или конфликтных ситуаций, т.е. собственно риторических [Ibid. Р. 193–195]³.

Соответственно, можно сделать вывод, что коммуникация берет на себя две функции: образовательную и художественную [Ibid. Р. 195]. Первую она реализует путем разделения и получения индивидуального опыта и тем самым его объективации, посредством взаимного просвещения и обогащения участников коммуникации, вторую – за счет высказывания субъективных индивидуальных представлений, которые находят выражение в эстетическом восприятии. Посредством этих функций и обеспечивается переход индивидуальной мудрости в коллективный практический разум, за счет того, что коммуникация – это не просто обмен сообщениями, а, как и у Пирса, прагматический диалог, нацеленный на определенный результат.

Взгляды Дьюи на софистику и релятивизм в течение первой декады XX в., с 1902 по 1907 гг. претерпели значительную эволюцию. Изданный в 1902 г. «Словарь философии и психологии» (*Dictionary of Philosophy and Psychology*) [8] может служить некоторой вехой в этом процессе, позволяя зафиксировать состояние философии в начале XX в., а также – отправной точкой для отслеживания тех радикальных изменений, которые начинают происходить во взглядах прагматистов и интеллектуального сообщества в целом в последующие годы этого столетия.

В статье «Прагматизм», к написанию которой были причастны основатели этого направления, Ч.С. Пирс пишет об объектах, что их понимание складывается на основании эффектов и практических следствий, которые причиняются объектами; концепции эффектов целиком являются концепциями объектов. У. Джеймс распространяет эту максиму на понятие истины, подчеркивая, что значение концепции может быть выражено через практические следствия: если полученный опыт совпадает с ожиданиями или рекомендациями, тогда концепция является истинной, если опыт отличен от ожиданий, то она ложна [9. Р. 4]. Видно, что прагматизм как направление уже в целом сложился, определился с сутью своей доктрины, очевидным образом соотносится с произведенным эффектом, с практическими следствиями и опытом, которые всегда служили характерными маркерами софистической философии и риторики. Однако изло-

женная Пирсом и Джеймсом согласно «Словарю философии и психологии» методология еще не сопоставляет прагматизм с релятивизмом. Во всяком случае, не просматривается никакой связи с ним в статье «Прагматизм», равно как и нет упоминания прагматизма в статье «Релятивность знания», написанной Джорджем Эдвардом Муром, в которой автор соотносит релятивизм исключительно с Протагором и его доктриной человека как меры всех вещей [9. Р. 4–5]. Сама протагоровская доктрина, как и софистика в целом, характеризуется Муром как отказ от философской рациональности; а в статье «Эпистемология» этого же словаря она представляется «скептическим импичментом возможности истины» [Ibid. Р. 5]. Джеймс Тафтс, будущий соавтор Дьюи, в статье «Доксократическая философия» говорит о протагоровской доктрине как софистической эпистемологии, однако сводит ее к индивидуализму, а сам Дьюи в статье «Нигилизм» полагает, что первой чисто нигилистской концепцией следует считать софистов, прежде всего Горгия Леонтийского с его тремя аргументами о не-сущем [Ibid.]. Таким образом, в представлениях начала века, в том числе и у прагматистов, релятивизм соотносится отнюдь не с прагматизмом, а исключительно с софистикой, которая сводится к скептицизму, индивидуализму и нигилизму, фактически получая привычные пейоративные оценки.

Дж. Дьюи в своих оценках философии восхищается Платоном, называет философию «движением “назад к Платону”», но отмечает, что это возвращение должно быть не к искусственному Платону, сконструированному университетскими профессорами, а к живому Платону *Диалогов* [Ibid. Р. 6]. Однако ему не приходит в голову мысль, что аналогичная точка зрения – «об искусственных софистах» – может быть также распространена и на софистику, но он не пытается дать переоценку этой философии. В 1907 г. позиция Дьюи в отношении софистов заметно меняется, во всяком случае, его оценки становятся куда более положительными. В частности, в «Истории образования» он сопоставляет софистов с гуманистами и отмечает, что тезис «человек есть мера всех вещей» должен быть прочитан не с точки зрения индивидуалистской интерпретации, а как указывающий на ценность культуры и цивилизации гуманизма в ее противопоставлении варварству и животной природе [Ibid. Р. 7]. С. Майно связывает такое изменение в умонастроении Дьюи с его знакомством с работами британского прагматиста Ф.К.С. Шиллера [Ibid. Р. 8].

В первые два десятилетия XX в. именно Шиллер и Джеймс воспринимались как лидеры англо-американского прагматистского движения. Ф.К.С. Шиллер впервые называет себя прагматистом в статье «Аксиомы и постулаты» (1902) [10. С. 84], а уже в 1903 г. выходит в свет его книга «Гуманизм: философские работы» [11], которая вызвала значительный интерес у американских прагматистов, о чем свидетельствует тот факт, что и Дьюи, и Джеймс почти одновременно пишут ревью на эту книгу [9. Р. 8]. Позднее Шиллер отмечает, что, когда он писал свою первую книгу «Загадка Сфинкса: исследования по философии эволюции» (1891) [12], он, сам того не ведая, уже был праг-

матистом [10. С. 84]. В ней Шиллер делает первые шаги в направлении концепции, которую он будет развивать на протяжении всей своей философской карьеры: создания анти-материалистического и не-скептического релятивизма, согласно которому знание представляется пересматриваемым, основанным на человеческих интересах и достижимым [13. Р. 45]. В целом книга посвящена вопросу метафизики эволюции, то есть рассмотрению философских оснований концепции эволюции в контексте понятий времени, божества, конечного и бесконечного и др. Чтобы подойти к этому вопросу основательно, Шиллер обсуждает границы человеческого познания, в частности такие концепции, связанные с его «ограничениями», как позитивизм (в данном случае имеется в виду ограничение познания только опытом и фактами физического мира, с запретом на философские и, в частности, метафизические способы получения знания), агностицизм, в первую очередь Спенсера и Канта, и скептицизм. Как результат, Шиллер предлагает рассматривать проблему того, что такое человек, его отношения с миром и Богом, вопросы бессмертия в контексте метафизики эволюции. Уже в этой первой книге он рассуждает близко к тем идеям, которые высказывает Джеймс, позже оказавший на Шиллера серьезное влияние.

Шиллер формулирует два существенных тезиса, предопределивших дальнейшее развитие прагматизма [9. Р. 9–10]. Первый – в работе «Гуманизм». В ней он в том числе призывает пересмотреть платоновские оценки софистики, отказываясь от ее негативной, скептической интерпретации. Это важный момент для улучшения климата в отношении риторики, поскольку негативные оценки софистики всегда налагали печать негативизма и на риторику как базовую технику и методологию софистики. Шиллер настаивает, что протагоровский тезис «человек – мера» говорит не о скептическом отношении к познанию, а о человекомерности истины, о том, что истина устанавливается людьми, однако полагает, что тезис Протагора подразумевает его двоякое прочтение: одновременно и индивидуалистическое, и коммунальное. Мера истины устанавливается индивидуально, частными лицами, но согласуется и признается коллективно. Иногда тезис «Человек – мера всех вещей» называют сущностью гуманистической доктрины Шиллера [13. Р. 45]. Он пишет, что «первым мыслителем, отчетливо изложившим позицию гуманизма, был Протагор из Абдеры, которая сформулирована в его изречении “человек есть мера”» [14. С. 27]⁴. «Это – великий девиз относительности, ставящий человека в центр Вселенной, которая для него существует и имеет к нему отношение. Он продолжает быть безотказным источником научного знания: свидетельством тому – физика Эйнштейна и гейзенберговский принцип неопределенности. Также это единственный принцип, оставшийся от ранней философии, который предшествовал платоновскому открытию “идеи” и сравним с ним по важности» [Там же]. Видно, насколько высоко оценивает Шиллер тезис Протагора, фактически приравнивая значимость учения Протагора к учению Платона. При этом наиболее важным для понимания сути про-

тагоровского тезиса Шиллер считает диалог «Тезет», где, помимо относительно подробного изложения содержания доктрины Протагора⁵, содержатся также и положения в ее защиту от нападок Платона. Как утверждает Шиллер, «отражение атак Платона на Протагора практически оформляет гуманистическую позицию. ...И все же воспользуюсь случаем указать на ценность “anthropos metron” как теории познания и на нелепость обвинений, кочующих из одной книги по истории философии в другую, будто эта максима ведет к скептицизму» [14. С. 35]. Он подчеркивает, что эта максима ведет не к скептицизму, нигилизму или абсолютизму, а к плюрализму и терпимости: «Ибо теоретически можно признать, что в одном и том же вопросе могут существовать для разных умов разные “истины”» [Там же. С. 36]. Хорошо видно, что уже в этих тезисно, но четко сформулированных фразах оформляется весь дальнейший курс прагматизма на толерантность, релятивизм в его положительном определении и способы преодоления проблемы несоизмеримости концептуальных каркасов.

Второй тезис впервые высказывается Шиллером в более поздней работе «От Платона к Протагору» (1907), где он возвращается к уже знакомым темам, показывая, что гуманизм не только является одновременно свойством и софистики, и прагматизма [9. Р. 9–10], но что гуманизм и есть прагматизм. В статье «Гуманизм и гуманизмы» (1937) [17. С. 74–89] Шиллер предлагает своего рода ретроспективу термина гуманизм и разъясняет его содержание, поскольку, как он сам признает, этот термин, с одной стороны, расплывчат и многозначен, а с другой – очень удобен, и этим объясняется, почему многие философы претендовали на то, чтобы использовать его, хотя и делали это некорректно (например, итальянские гуманисты XV в.). Он пишет: «...Я избрал слово “гуманизм” намеренно: чтобы выразить свое согласие со знаменитым изречением Протагора, чтобы подчеркнуть человеческую ценность философии и противопоставить свой образ мыслей двум другим философским позициям, которые в то время (1902) делили между собой практически все поле философии... мы можем называть их “абсолютизмом” и “натурализмом”» [Там же. С. 82]. И далее: «Гуманизм же не упускает из виду человеческой составляющей наших теорий и не стремится их отрицать... Мне казалось, что этот термин вполне соответствует новой философии, которую развивали Уильям Джеймс и Джон Дьюи под названиями “прагматизм” и “инструментализм”. Вскоре я обнаружил, что “прагматизм” – очень плохое название, что из-за него на эту философию будут вешать всех собак. Во-первых, требуется полчаса, чтобы только объяснить это слово. Во-вторых, оно неверно образовано. Приходилось отрицать его связь с “практикой”, которую ему обычно приписывали⁶... Но когда я написал Джеймсу и предложил заменить название на “гуманизм”, он ответил, что уже поздно» [Там же. С. 84–85]. В 1937 г., когда Шиллер писал эту статью, уже было видно, к чему пришел прагматизм за почти полвека своего существования и можно было подвести определенные итоги, с одной стороны, противопоставив его некорректным формам гуманизма, и еще

раз тем самым оговорив цели и задачи прагматизма по сравнению с другими направлениями философии, с другой – задав направления дальнейшего развития. Именно таким итогом и перспективой прагматизма и интересна эта его статья [17. С. 86–89].

Шиллер суммирует итоги и определяет перспективы прагматизма как гуманизма в следующих тезисах. Во-первых, это теоретическое многообразие прагматизмов. Шиллер оставляет название гуманизма за тем вариантом прагматизма, который разрабатывает сам. Это слово не только подчеркивало сущность прагматизма – в центре его интересов находятся проблемы человеческой жизни и опыта и проблемы реального мира, с которым человек полагает, что находится в контакте, оно также говорило о наличии многих вариантов прагматизма: «Ибо, теоретически, прагматизмов может быть столько же, сколько прагматистов» [Там же. С. 88].

Во-вторых, прагматизм является формой релятивизма. Гуманизм симпатизирует относительности, поскольку она отказалась от абсолютизма ньютоновской физики (мы помним, что исходно гуманизм формулировался как противопоставленный абсолютизму и натурализму) и разделяет экспериментальную теорию значения, т.е. такую, которая признает верификацию опытом (экспериментом) или наблюдением, поскольку истина должна быть подвергнута проверке (этот тезис был исходно выдвинут Пирсом и Джеймсом и сформулирован как максима Пирса).

В-третьих, прагматизм как гуманизм или релятивизм не тождественен скептицизму, отрицающему достижение истины. Сомнения не преуменьшают уверенность в признаваемых истинах, но дают надежду на прогресс и отыскание новых знаний.

Наконец, цель прагматизма формулируется как лишение абсолютистских претензий всякого смысла, поскольку истина и знания соотносятся с человеком и его жизнью, а не абсолютны или умозрительны. Фактически, в этом тезисе фиксируется окончательная антиобъективистская и антиплатонистская направленность прагматизма.

На основании тех положений, которые высказывает Шиллер, хорошо видно, как формируется «линия Джеймса», или релятивистская линия прагматизма, которая необходимо выходит на вопросы истинности. Как правило вопросы истинности исследователями рассматривались в их соотношении с софистикой, нередко либо отказывая софистам в поиске истины, либо приписывая им точку зрения сознательного искажения истины. Так или иначе, именно Шиллер инициирует пересмотр софистического учения, в том числе, отношения софистов к истине, вероятнее всего под влиянием концепции истинности Джеймса. Позже на протяжении всего периода развития прагматизма, во всяком случае, для представителей «линии Джеймса», вопросы истинности становятся краеугольными. В частности, в развитии этих идей в рамках концепции алетического релятивизма была сформулирована позиция Дж. Марголиса, резюмирующая их развитие, которая отказывается от бивалентной концепции истинности [18].

Шиллер познакомился с идеями Джеймса в период между 1893 и 1897 гг. [13. Р. 44], но, как мы отмечали

выше, уже к тому времени был про-прагматистски настроен, и идеи Джеймса оказались ему созвучны. Будучи увлечен идеей эволюции, в работе Джеймса «Принципы психологии» (1890) Шиллер встречает биологическую теорию сознания, которая представляется как интерактивный процесс роста в пределах избирательно воспринимаемой окружающей среды [13. Р. 45]. Именно эти идеи и задали общий контекст для философских рассуждений и Джеймса, и Шиллера: мышление человека, все его мысли должны обслуживать усилия организма для выживания в пластичном и изменяющемся мире. Шиллер разделяет и концепцию истины Джеймса, которую можно сформулировать следующим образом: «все то, что хорошо, чтобы в это верить, является по этой причине истинным» для человека [Ibid. Р. 44].

К этой концепции сам Джеймс приходит постепенно и первые шаги в этом направлении были сделаны в книге «Воля к вере» (1896), где он рассуждает о том, что на практике мы часто вынуждены принимать решения без достаточных на то теоретических оснований [19. С. 285–286]. Религиозные проблемы относятся именно к такому разряду, поскольку позиция верующего зачастую принимается как противоречащая и логике, и разуму, которые не в состоянии найти для нее разумных оснований. Эта концепция по сути выступила как переходная к его прагматизму, и прагматизм Джеймса, по мнению Б. Рассела, развился именно из нее. Так или иначе, вопрос о вере и разуме выходит на вопрос о критериях истины, а «прагматизм, по Джеймсу, – это в первую очередь новое определение понятия “истина”» [Там же. С. 286]. То есть истинное для нашего разума – это то, что выгодно и удобно. Эта концепция, как и «воля к вере», вызвала много нареканий со стороны критиков, которые отвергли ее как выражение иррационализма и пагубного субъективизма, однако она пришлась по душе постмодернистам и неопрагматистам [20. Р. 36].

Формулируя собственную теорию истины, Джеймс отверг обе традиционные теории истины: когерентную и корреспондентную, и положил начало прагматистской концепции истины. Истоки когерентной теории истины обнаруживаются в античности, в частности, у Парменида, в XX в. ее сторонниками выступали неопозитивисты. Согласно этой теории, знания должны быть согласованными и соответствовать всей целостной системе, внутри этой системы дополняя и поддерживая одно другое. Поэтому, чем полнее и точнее набор основных понятий, тем истиннее вся система знаний. Иначе говоря, истинность знания устанавливается только изнутри данной согласованной системы понятий. Джеймс считает такую теорию истины чересчур абстрактной и не имеющей никакого отношения к той человеческой деятельности, в результате которой и вырабатываются критерии истины [Ibid.].

Согласно корреспондентной теории истина подтверждается соответствием определенным критериям, то есть представляет собой однозначное соответствие, или даже совпадение мысли или высказывания с реальностью, которая существует независимо от вер, поддерживающих ее. Джеймс также отвергает эту

концепцию. Выстраивая свою аргументацию, он поддерживает идею определения истины через «согласие с реальностью», однако понимает это согласие принципиально другим образом. Для него этот термин не означает полного соответствия или изоморфизма между высказываниями, содержащими наши веры о реальности, и самой независимой от нас реальностью. С точки зрения Джеймса, корректнее говорить о том, что *верующий*⁷ соглашается с реальностью, а не высказывание о ней содержит истину [20. Р. 37]. Для Джеймса обе дискредитированные им концепции являются несостоятельными в силу того, что отказываются от рассмотрения непосредственного опыта, то есть не учитывают наши актуальные или гипотетические способы использования наших вер на практике.

Однако обвинения Джеймса в субъективизме его концепции не вполне состоятельны. Джеймс не отказывается от идеи «абсолютной истины», однако также трактует ее по-своему. В своих первых разработках теории истины Джеймс говорит преимущественно о наборе вер, которые удовлетворительно функционируют в течение ограниченного периода, позволяя человеку приспосабливаться к изменчивому миру. Затем эти представления трансформируются в представления о степени истинности, которая способна прогрессивно накапливаться. Идея «абсолютной истины» для Джеймса – это в некотором роде идеальный объект, означающий, что некое идеальное сообщество добросовестных и осведомленных исследователей достигло той точки, после которой их дальнейший опыт никогда не станет другим [Ibid. Р. 36]. Здесь он фактически следует Пирсу, для которого истина представляется предельным соглашением между всеми исследователями.

На основании джеймсовской концепции истины Шиллер формулирует свою версию субъективистской теории сознания Джеймса, согласно которой реальность является такой, какой ее познает индивидуальное сознание. Эта версия оказывается крайне созвучна картезианской. Согласно Шиллеру, именно личное сознание является критерием познаваемости, т.к. является наиболее реальным из существующего, и в таком случае индивидуальные ценности служат конечной инстанцией проверки всякого знания [13. Р. 44]. Исходя из этих же оснований Шиллер занимает критическую позицию в отношении формальной логики, отрицая даже возможность ее построения и переформулирует задачи и сущность логики. Суждение, по мнению Шиллера, не может быть отвлеченным, оно не существует отдельно от интересов того, кто его высказывает, поэтому оно «всегда что-то суждение, т.е. это всегда личный акт, выражающий конкретное намерение» [10. Р. 130]. Именно из намерения проистекает суждение, а значит, оно всегда используется в определенном контексте. «Из одних только употребляемых нами слов и знаков еще нельзя дедуцировать, что мы имеем в виду; необходимо учитывать, что мы намереваемся достичь с помощью этих слов и знаков» [Ibid.]. В таком ключе идеи Шиллера становятся крайне созвучны тому, что говорил о знаках Пирс, который, как мы помним, разработал науку семиотику в том числе и для установления тех

эффектов, которые причиняют знак, и тех эффектов, которые знаки оказывают на другое сознание. Значение следует из контекста, а не опирается на формальные правила. По этой причине Шиллер настаивает на невозможности установления на основании формальных правил того, что следует или не следует из того или иного суждения. «Если логик хочет проанализировать структуру действительных выводов, он должен целиком отбросить концепцию “формальной корректности” или “логической истинности»» [10. Р. 130]. По мнению Шиллера, подлинная логика, учитывающая контекст и произведенный эффект, действительно достигает истины, тогда как формальная логика обречена работать только с корректностью и ошибочностью.

В современной истории философии имя Ф.К.С. Шиллера оказалось незаслуженно забыто, хотя, как мы показали, именно он осуществляет под влиянием философии Джеймса подлинно «риторический», а вернее сказать, релятивистский поворот в философии. Однако, как мы увидели, влияние Шиллера и Джеймса оказалось обоюдным. Как итог, ре-

лятивистская линия прагматизма не только принимает концепцию непосредственного опыта и истины «явления» в отличие от «реальной» истины, но и его гуманистическую в шиллеровом понимании направленность, поскольку выводы о человеке как мере познания Шиллер делает, суммируя и развивая концепцию истины Джеймса. Кроме того, видно, что прагматизм отказывается от концепций истины, сопряженных с фундаментализмом, и развивает такую концепцию истины, которая напрямую согласуется с риторическими принципами. Прагматизм начинается с того, что истина неотделима от убеждения, а мышление, будучи диалогичным, придает рациональности риторический характер, и заканчивает признанием того, что истина коренится в непосредственной деятельности и практике людей, носит гуманистический характер, т.е. учитывает проблемы человеческой жизни и опыта познания мира, с которым человек находится в непосредственном контакте, и что истины может достичь только такая логика, которая учитывает контекст и произведенный практическими действиями эффект.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Существует стандартная система цитирования работ Пирса; в частности, *CP* означает ссылку на издание: [3]. Ряд работ из этого издания переведен на русский язык: [4].

² Исследователи творчества Пирса часто отмечают, что вся его философия характеризуется нечеткостью терминологии, которая «плывет» и корректируется от статьи к статье. Самого Пирса такое положение дел не смущало, напротив, как он считал, подчеркивало живой, подвижный и дискурсивный характер философского рассуждения.

³ О содержании понятия «риторическая ситуация» см.: [7].

⁴ Работы Шиллера на русском языке приводятся по изданию: [15].

⁵ Обзор интерпретаций доктрины Протагора в «Тэстете» Платона см.: [16].

⁶ Часто заявление Пирса о важности практических следствий для познания объектов понимали так, что он буквально настаивает на практически полезном. В действительности для Пирса «практические следствия» означали некоторое рациональное поведение. Пассмор приводит такой пример, иллюстрирующий идею практических следствий Пирса: мы знаем, что такое «литий», только если нам известны шаги, посредством которых мы можем отличать его от других химических веществ. Если таких шагов не существует, если этого не происходит, то знак ни на что не указывает, он для нас – тарабарщина. «Значение символа, по Пирсу, не сводится, как это часто ранее предполагалось, к “идеям”, которые его представляют в нашем сознании. Чтобы понять символ, нам нужно просто посмотреть на поведение, вызываемое им у разумного человека» [10. С. 82].

⁷ В философских контекстах используется более широкий объем понятия слова «вера» нежели «религиозная вера». Английский язык использует для этого разные слова, *believe* и *faith* соответственно. По-русски передать эту разницу сложно.

ЛИТЕРАТУРА

- Colapietro V. C.S. Peirce's Rhetorical Turn // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2007. Vol. 43, № 1. P. 16–52.
- Боброва А.С. Место риторики в логике Ч.С. Пирса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 107–116.
- Peirce C.S. Collected Papers / ed. by C. Hartshorne and P. Weiss; Arthur W. Burks. Vol. 1–8. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 1965–1967.
- Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М. : Логос, 2000.
- Пирс Ч.С. Разделение знаков // Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриевой. М. : Логос, 2000. С. 176–199.
- Johnstone Ch.L. Dewey, Ethics, and Rhetoric: Toward a Contemporary Conception of Practical Wisdom // Philosophy & Rhetoric. 1983. Vol. 16, № 3. P. 185–207.
- Косарев А.В. Прагматизм и риторика: эволюция понимания коммуникативной ситуации // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 2. С. 226–242.
- Dictionary of Philosophy and Psychology / ed. by J. M. Baldwin. New York : Macmillan Co., 1901–1905. 3 vols.
- Mailloux S. Sophistry and rhetorical pragmatism // Rhetoric, sophistry, pragmatism / ed. by S. Mailloux. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 1–32.
- Пассмор Дж. Сто лет философии / пер. с англ.; под общей редакцией А.Ф. Грязнова. М. : Прогресс-Традиция, 1998.
- Schiller F.C.S. Humanism: Philosophical Essays. London ; New York : Macmillan, 1903.
- Shook J.R.F.C.S. Schiller and European Pragmatism // A Companion to Pragmatism / ed. by J.R. Shook and J. Margolis. Malden ; Oxford ; Victoria : Blackwell Publishing. P. 44–53.
- Шиллер Ф. Гуманистический взгляд на жизнь // Шиллер Ф. Наши человеческие истины. (F.C.S. Schiller. Our Human Truths. New York : Columbia University Press, 1939) / пер. В. Голышева. М. : Московская школа политических исследований, 2003. С. 24–37.
- Шиллер Ф. Наши человеческие истины. (F.C.S. Schiller. Our Human Truths. New York: Columbia University Press, 1939) / пер. В. Голышева. М. : Московская школа политических исследований, 2003.
- Вольф М.Н. Софистический релятивизм: миф или реальность // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, вып. 2. С. 493–504.
- Шиллер Ф. Гуманизм и гуманизмы // Шиллер Ф. Наши человеческие истины. М. : Московская школа политических исследований, 2003. С. 74–89.

18. Вольф М.Н., Косарев А.В. Неопрагматизм Джозефа Марголиса // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32), т. 2. С. 3–16.
19. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. / подгот. текста В.В. Целищева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. Т. 2.
20. Suckiel E.K. William James // A Companion to Pragmatism / ed. by J.R. Shook, J. Margolis. Maiden ; Oxford ; Victoria : Blackwell Publishing, 2006. P. 30–43.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 марта 2018 г.

THE RHETORICAL TURN OF PRAGMATISM'S FOUNDERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 47–53.

DOI: 10.17223/15617793/431/6

Marina N. Volf, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: wolfarch@yandex.ru

Andrey V. Kosarev, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: andrkw@rambler.ru

Keywords: rhetoric; communication; pragmatism; humanism; relativism; truth.

The paper considers the place and significance of rhetoric for the development of the first stage of Anglo-American pragmatism at the beginning of the 20th century. It analyzes the place of rhetoric in Peirce's semiotics and his emphasis on the communicative nature of knowledge. C.S. Pierce introduces a new science, semiotics, which, like the medieval trivium, splits into three branches: analytics, critic and methodic, which is otherwise called speculative rhetoric. The latter turns out to be the most pragmatic section of semiotics, aimed at the establishing the effect that the sign causes. The paper also shows that another founder of pragmatism, J. Dewey, paid attention to the development of the concept of communication, which is also part of rhetorical knowledge. Defining special aspects of communication, Dewey comes to the concept of a rhetorical situation. In connection with the influence of the philosophy of F.C.S. Schiller, Dewey changes his attitude towards sophistry as the starting point of rhetoric. He compares the Sophists with humanists, believes that the individualistic interpretation of their program is erroneous, and believes that it indicates the value of culture and civilization in its opposition to barbarianism and the animal nature. Finally, the paper examines the mutual influence of the concepts of W. James and F.C.S. Schiller, their role in the evolution of the pragmatist conception of truth. Schiller argues that pragmatism is humanism, and it is a form of relativism, but it is not identical with skepticism and it is alien to objectivism. These arguments, along with Pierce's thesis of practical verification of truth, served as a conditional platform for James in his creation of the theory of pragmatist truth. The influence of Schiller and James turned out to be mutual and resulted in a relativistic line of pragmatism that accepts the concept of direct experience and the truth of the "phenomenon" as opposed to "real" truth. In addition, it is shown that pragmatism, abandoning the concepts of truth associated with fundamentalism, develops the concept of truth which is directly consistent with rhetorical principles. Pragmatism begins with the fact that truth is inseparable from persuasion, and thinking, being dialogical, gives rationalism a rhetorical character, and ends with the admission that truth is rooted in the immediate activity and practice of people, it has a humanistic character, i.e. takes into account the problems of human life and the experience of knowing the world a person is in direct contact with, and that logic can achieve truth if only it takes into account the context and effect produced by practical actions.

REFERENCES

1. Colapietro, V. (2007) C.S. Peirce's Rhetorical Turn. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 43:1. pp. 16–52.
2. Bobrova, A.S. (2010) Mesto ritoriki v logike Ch.S. Pirsy [The place of rhetoric in the logic of C.S. Pierce]. *RATsIO.ru*. 4. pp. 107–116.
3. Peirce, C.S. (1965–1967) *Collected Papers*. Vols 1–8. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
4. Peirce, C.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Translated from English by K. Golubovich, K. Chukhrukidze & T. Dmitrieva. Moscow: Logos.
5. Peirce, C.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Translated from English by K. Golubovich, K. Chukhrukidze & T. Dmitrieva. Moscow: Logos. pp. 176–199.
6. Johnstone, Ch.L. (1983) Dewey, Ethics, and Rhetoric: Toward a Contemporary Conception of Practical Wisdom. *Philosophy & Rhetoric*. 16:3. pp. 185–207.
7. Kosarev, A.V. (2017) Pragmatism and rhetoric: evolution of understanding the communicative situation. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 15:2. pp. 226–242. (In Russian).
8. Baldwin, J.M. (ed.) (1901–1905.) *Dictionary of Philosophy and Psychology*. 3 vols. New York: Macmillan Co.
9. Mailloux, S. (1995) Sophistry and rhetorical pragmatism. In: Mailloux, S. (ed.) *Rhetoric, sophistry, pragmatism*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Passmore, J. (1998) *Sto let filosofii* [One Hundred Years of Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Schiller, F.C.S. (1903) *Humanism: Philosophical Essays*. London; New York: Macmillan.
12. Shook, J.R. (2006) F.C.S. Schiller and European Pragmatism. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Malden; Oxford; Victoria: Blackwell Publishing.
13. Schiller, F. (2003) *Nashi chelovecheskie istiny* [Our human truths]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 24–37.
14. Schiller, F. (2003) *Nashi chelovecheskie istiny* [Our human truths]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
15. Volf, M.N. (2017) Sophistic Relativism: Fiction or Reality? *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11:2. pp. 493–504. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6476
16. Schiller, F. (2003) *Nashi chelovecheskie istiny* [Our human truths]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 74–89.
17. Volf, M.N. & Kosarev, A.V. (2017) Joseph Margolis's Neo-Pragmatism. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2 (32):2. pp. 3–16. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16
18. Russell, B. (1994) *Istoriya zapadnoy filosofii: v 2 t.* [History of Western philosophy: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
19. Suckiel, E.K. (2006) William James. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Malden; Oxford; Victoria: Blackwell Publishing.

Received: 30 March 2018